

Н.М. Азарова

Московский государственный педагогический университет

Местоимения «ты» и «Ты» в языке поэзии и философии

Аннотация: Семантика личного местоимения *ты* и его варианта *Ты* (*Ты* Бога) в лирике и в религиозно-философских текстах позволяет выделить особое металицо *ты* + *Ты* в двух основных вариантах: *ты* встроенное в *Ты* и *ты* имплицитное *Ты*. Функционирование металица *ты* + *Ты* в философском и поэтическом дискурсе является свидетельством явления конвергенции философских и поэтических текстов.

Ключевые слова: личные местоимения, художественный язык, поэтика, поэзия, философия.

Поэзия использует личные местоимения, в частности местоимения второго лица, гораздо чаще, чем любые другие формы речи, что дает возможность исследователям «сопоставить лирику с бытовой или ораторской речью, письмом, молитвой, заговором» [Левин, 1998, с. 467]. Но и в философских, особенно религиозно-философских текстах, и собственно теологических текстах личные местоимения, хотя, может быть, и менее частотны, чем в поэзии, несут не менее важную структурно-семантическую и текстообразующую нагрузку. При этом необходимо иметь в виду, что, если взаимоотношения форм 1-го и 2-го лица в поэтическом тексте получили достаточное освещение в лингвистической и лингвопоэтической литературе (Г.О. Винокура [1990], Ю.И. Левина [1998], Я.И. Гина [1996], Б.А. Успенского [2007]), то особая местоименная форма *Ты* в поэтическом и философском тексте (или в семантическом плане *Ты* как вариант местоимения *ты*), а также взаимоотношение *ты* и *Ты* и его более сложное развитие в *я-ты-Ты* специально не рассматривались. Местоименная поэтика ряда поэтических и философских текстов XX – XXI века выдвигают на первый план именно эти отношения.

В традиционных русских поэтических текстах *ты* читалось как обращение к любому адресату, а *Ты* – как обращение к единственному адресату – Богу: «*Мечтали мы, мечтанья разлюбя. // Так – суждена безрадостность мечтанья // Забывшему Тебя*» [Блок, 1961, с. 46]. Несмотря на то, что во второй половине XX века соотношение *ты* – *Ты* усложняется, *Ты* продолжает выполнять функцию адресата, обращения к Богу и в значительной степени именованного Бога. Можно ли считать *ты* и *Ты* омонимами? Вряд ли, так как их значения недостаточно разошлись, и *Ты*, несмотря на то, что может однозначно указывать на Бога, сохраняет очень многие особенности *ты* как личного местоимения.

Категория лица в личных местоимениях может пониматься коммуникативно, семантически и референциально [Арутюнова, 1992, с. 208]. В трактовке соотношения *я-ты-Ты* и его вариантов в философском и поэтическом тексте, в отличие от рядовой речевой ситуации, особую роль играют семантическое и референциальное понимание лица. Говоря о семантике местоимений 2-го лица, можно утверждать, что как местоимение *ты*, так и местоимение (вариант) *Ты* несет некоторую информацию (прежде всего о семантике личности), которая не зависит от

контекста, и их значение не исчерпывается указанием на адресата и не меняется от одного акта речи к другому. Тем не менее, необходимо сказать, что местоимение *Ты*, в отличие от других местоимений, в том числе *ты*, закреплено за определенным референтом. Местоимение *Ты* своей семантикой нарушает положение о том, что «нельзя сказать: *Моя дорогая ты...* постулируемая особенность местоимений – не раскрывать того уровня характеристики актанта ситуации, который они сами приписывают участнику события, а только указывать на то, с кем из коммуникантов идентифицировать участника события» [Селиверстова 1988, с. 36]. В поэтическом тексте современной поэтессы Ю. Идлис «дорогой Ты, // пишу Тебе письмо в надежде // и раздумьях // просто от нечего сказать» [Идлис, 2006, с. 56–57] местоимение *Ты*, однозначно употребляющееся как обращение к Богу, допускает определение; таким образом возможно *дорогой Ты* по аналогии с *Ты всемогущий, всемилостивейший Ты* – как обращение *Господи*, в то время как подобные же сочетания в обращении прилагательного *дорогой* с личным местоимением *ты* невозможны.

Информация о социальном статусе референтов включается «в первую очередь в значение местоимений 2-го лица, которые во многих языках оказываются наиболее дифференцированными по соответствующей категории» [Арутюнова, 1992, с. 198]. В оппозиции *я* – *Вы* и *я* – *Ты* прописная буква наделяет высказывания в сходных конструкциях прямо противоположной семантикой социальной дистанции. Если *Вы* (по сравнению с *ты*) маркирует отстранение говорящего от адресата, то хотя и употребление формы *Ты*, как и *Вы*, связано с категорией «вежливость», т.е. адресат иерархически выше говорящего» [Плунгян, 2003, с. 259], форма *Ты* (по сравнению с *ты*) – напротив, маркирует сокращение дистанции между говорящим и адресатом: «экзистенциально ноуменальное бесстыдство – ответ Богу на Его вопрос мне: где ты? Я здесь, перед Тобой, нагой, каким Ты и создал меня» [Друскин, 2004, с. 313].

В языке поэзии и философии *ты-Ты* – это своеобразная парадигма. Отношение между *ты-Ты* присутствуют в двух основных вариантах: с одной стороны, это *ты* встроенное в *Ты*, то есть *Ты* содержащее *ты*: «Столь одиноко думать что, // смотря в окно с тоской, // там тоже Ты. В чужом пальто // Совсем-совсем другой» [Аронзон, 2006, т. 1, с. 200–201]. *Ты* в стихотворении Елены Шварц: «Из живого вырезала бы тела я – // Сотвори из него мне только Ты // Друга верного, мелкого, белого» [Шварц, 2002, с. 95] возможно интерпретировать двояко: однозначно как *Ты* или, имея в виду последующий контекст, как *Ты*, включающее *ты*.

С другой стороны – это *ты*, скрывающее (имплицитное) *Ты*, форма *ты*, обнаруживающая присутствие *Ты*: «Откровение “ты”» [Франк, 1990, с. 347]. Последнее отношение было центральным в средневековой лирике, но и философские тексты XX века, рассматривая *ты* как понятие, декларируют возможность и необходимость наличия в *ты Ты*. У Якова Друскина: «Если же мать видит в ребенке будущее *ты*, сотворенное по образу и как подобие Божье» [Друскин, 2004, с. 322]. Местоимение *ты*, скрывающее (имплицитное) *Ты*, формула *ты + Ты*, может присутствовать почти в любом обращении, даже шуточном: «Я в нём ищу тебя, хоть нет тебя нигде, // нет оттого, что как-то за трубой // ты слился с небом, столь ты голубой» [Аронзон, 2006, т. 1, с. 166]. Если *ты* представлено как *Ты*, то в философском тексте и эта форма наделяется свойствами цельности, неразложимости, неделимости: «Какой же опыт человек получает от Ты? // <...> – Что же тогда человек узнает о Ты? // – Только все. Ибо он больше не узнает о нем ничего по отдельности» [Бубер, 1995, с. 21]. В поэзии некоторое звучание *Ты* появляется и благодаря ритмическим акцентам и синтаксической изоляции *ты*: «Мгновение // Ты // Шли годы // Мгновение // Ты» [Сапгир, 1999, с. 202]. Восприятие *ты* как *Ты* у Генриха Сапгира, безусловно, поддержано прописной буквой, которая появляется не в стилистически заданной позиции, а как будто обусловлена обязательностью (системностью) прописной буквы в начале строки в данном

цикле. Позиция начала строчки способствует инкорпорированию *Ты* в *ты*, что делает этот прием характерным для поэтического текста. Казалось бы, стихотворение обращено к *ты* – конкретному адресату, однако частотность *Ты*, появляющегося с большой буквы в начале строчки, говорит о том, что семантическая структура местоимения этим не исчерпывается:

*Ты где?
Ты здесь и там*
[Аристов, 2005, с. 108].

Инициалы, сакрализующие семантику «ты» благодаря тому, что *Ты* стоит в начале строчки и поэтому пишется с прописной буквы: «*В двух шагах за тобой рассвет. // Ты стоишь вдоль прекрасного сада*» [Аронзон, 2006, т. 1, с. 216] – выявляют импликацию *Ты*, хотя из контекста и из формы *за тобой* как будто очевидно, что это *ты*. Наличие встроенного обращения к *Ты* подчеркивается последними строчками стихотворения «*Дай нам Бог в этот миг умереть // и, дай Бог, ничего не забывай*» [Там же].

Наличие *Ты* в *ты* было заявлено еще Мартином Бубером; по мысли философа, в любом *ты* есть *Ты*. Этот тезис обуславливает написание всех *ты* в философском тексте Бубера как *Ты* с прописной буквы («Ты-Бог»): «*наш взгляд ловит край Вечного Ты, в каждом наш слух ловит его веяние, в каждом Ты мы обращаемся к Вечному Ты*» [Бубер, 1995, с. 18].

Если *ты*, написанное со строчной буквы, часто имеет обобщенно-личное значение, то в поэтических и философских текстах при совмещении *ты+Ты* в одной словоформе и при более или менее очевидной референции *Ты*, значение нельзя назвать обобщенно-личным: иными словами, совмещение в *ты* или *Ты* семантики *ты-человека* и *ты-Бога* не приводит к обобщению. Здесь *ты* выступает как часть, равная целому (*Ты*), что можно условно обозначить как явление «грамматической ипостасийности» местоимения, то есть *ты* является ипостасью *Ты*.

Говоря об отношениях *ты* и *Ты*, необходимо сделать оговорку о роли семантики местоименного числа в поэтике. Как известно, «многие лингвисты отрицают тождество местоименного и субстантивного числа» [Плунгян, 2003, с. 256]. В рамках местоименной системы в разных поэтических и философских текстах трактовка местоименного числа не тождественна: *ты+ты+ты+ты* может превращаться в *вы*, в *они*. Однако особое значение в рамках предложенной темы имеет иная семантика числа: философский или поэтический текст настаивает, что *ты+ты+ты+ты* – сохраняют семантику единичного *ты* (нулевое множественное число у формы *ты*). Относительно же формы *Ты* само построение *Ты+Ты+Ты+Ты* – невозможно. В этом смысле число функционирует так же, как и у имени собственного. Бубер настаивает на том, что множество *ты* не подвергается обобщению, сохраняет индивидуальность каждого *ты* (семантику 2-го лица ед. числа): «*Разве не обрушился бы на него его мир, если бы он, вместо того чтобы складывать Он + Он + Он в Оно, попытался получить сумму Ты и Ты и Ты, которая никогда не будет ничем иным, как снова Ты?*» [Бубер, 1995, с. 42]. Поэтический текст конца XX века, оперируя с формулой Бубера, при помощи разных приемов дефразеологизирует ее, ставя под сомнение истинность коммуникации. Так, Ольга Седакова, используя местоимение *ты* как понятие по аналогии с философским текстом: «*Ты становится вы, // вы все, // они*» [Седакова, 2001, с. 143], настаивает на соотносимости единичного и множественного. Отдельные ряды местоимений, например *И ты – и ты – и ты – и ты* Сапгира по формальному построению совпадают с философскими формулами Бубера и Друскина, но на самом деле, *ты* Сапгира часто выступает как *ты = он*, содержит дейксис, но не содержит обращения. Сапгир намеренно лишает *ты* присутствия сакрального *Ты*,

что дает ему основание с легкостью превратить *ты+ты+ты+ты* в *вы* и даже в *они*: «И ты // Правитель // <...> И вы // Выращивайте их... // И ты – и ты – и ты – и ты // Пенсионеры // Футболисты // Поэты // Вы же специалисты // Вы – люди – ангелы – скоты // Выращивайте цветы» [Сапгир, 1999, с. 165]. В. Соснора дает свой вариант трансформации буберовской формулы, иронически стирающей единичность обращения к *ты*: «Я-ты-он-мы-вы-они – по-товарищески сдружались» [Соснора, 2006, с. 612].

Местоимение *я* как понятие неоднократно фигурировало в лингвистической литературе [РГ, 1980, т. 1, с. 532]. *Ты* также может функционировать в философских и поэтических текстах как понятие, однако семантические свойства *я* и *ты* при концептуализации местоимений как понятий несимметричны: *ты* (и тем более *Ты*), в отличие от *я*, никогда не превращается до конца в понятие в отрыве от носителя, всегда сохраняет семантизированную прагматику живого отношения; за субъектно-объектными отношениями «просвечивают» (просматриваются) горизонтальные отношения взаимности *я – ты*. При семантизации *ты* как понятия не происходит полной утраты или даже может актуализироваться ситуация обращения. В одной формуле может присутствовать сочетание семантики адресата и сакрально-понятийного значения: «ты говоришь ему Ты и предаешься ему, оно говорит тебе Ты и передается тебе» [Бубер, 1995, с. 35]. *Ты* как философское понятие в идиостиле отдельного философа требует специального авторского определения, и в ряде текстов *ты* наделяется свойствами индивидуального философского термина. Однако важно, что это не любое *ты*, а *ты-обращение*, концептуализирующее семантику личного местоимения второго лица: «Я назову его *ты*. Ты – это любой человек, к которому я имею особое личное отношение, назовем это отношение симпатией» [Друскин, 2004, с. 640].

С точки зрения поэтики в формуле *ты+Ты* движение происходит как акцидентно (*Ты* ↓ *ты*), так и традиционно-символически (*ты* ↑ *Ты*). В лирике реализуется движение в обоих направлениях, а также присутствуют смешанные формы движения. Модель, близкую *Ты* ↓ *ты* находим в стихотворении «Как лодка, чьи устали вёсла...»:

*Твое церковное лицо
проступит водяными знаками:
сизжу, склонившись над листом*
[Аронзон, 2006, т. 1, с. 84].

Посессив *твое* благодаря позиции в начале строчки позволяет инкорпорировать *ты* в эксплицированное *Ты*. Иными словами, «Твое церковное лицо» должно читаться как лицо Бога, но оставляя возможность и место для семантического включения и некоего лица персонажа. Это реализация формулы *Ты* ↓ *ты*, что поддерживается непосредственно следующим стихотворением «Вегей рек на гривах свей...», последние строки которого «ты стояла предо мною, глядя Господу в лицо» [Аронзон, 2006, т. 1, с. 85] явно интертекстуальны по отношению к рассматриваемому стихотворению: «Твое церковное лицо» – это не только Бог, но и та же самая *ты*, которая была персонажем, подключенным к лицу Бога.

Вторая модель *ты* ↑ *Ты* (*ты* имплицитующее *Ты*) наиболее частотна в лирике и появляется в разных вариациях. Поэма Андрея Монастырского «В тебе нет ничего» (рукопись 2001 года) основана на бесконечном повторении через строчку формулы «в тебе нет ничего» и предназначена для чтения вслух в течение одного часа; *ты* кодирует *Ты*, что поддержано апофатическим построением, благодаря которому *ты* читается как код *Ты*. Между повторами «в тебе нет ничего» могут встраиваться поэтические формулы любой стилистики, любые грамматические конструкции и вообще любые слова, что не просто подразумевает *ты*, имплицитующее *Ты*, но и позволяет варьировать семантическую структуру соотношения

ты и *Ты* на протяжении текста, таким образом превращая развитие формулы *ты* ↑ *Ты* в основу композиции поэмы: «в тебе нет ничего // что далеко дышит // в тебе нет ничего // что высоко летит // в тебе нет ничего // что вместо меня... // в тебе нет ничего // что требует продолжения // в тебе нет ничего // что в ужасе сидит на камне // в тебе нет ничего // что закрывает лицо... // в тебе нет ничего // все равно // в тебе нет ничего // табло // в тебе нет ничего // фон // в тебе нет ничего // ну и ну // в тебе нет ничего // как же так // в тебе нет ничего // ты где».

В любовной лирике (средневековой и связанной с ней более поздней традицией) *ты* служит посредником, чтобы легче и интимнее – интимное здесь почти тождественно мистическому – обратиться к *Ты*. Таким образом, *ты* кодирующее *Ты*, *ты*-посредник – это обращение к любому сущностному адресату не только в поэтическом, но и в философском тексте. Характерны равноположенные конструкции с *ты* ↑ *Ты* Геннадия Айги: «виденье-ты – как зная! // горю-и-вижусь и тобой и сам // и чистотой рыков о всю-тебя-расширенность» [Айги, 2006, с. 156] и философская рефлексия Бубера: «Каждое взятое в отдельности *Ты* есть прозрение к Вечному *Ты*» [Бубер, 1995, с. 57].

Необходимо сделать оговорку, что в поэтических текстах *Ты* может быть обусловлено жанрово, например *Ты* в цикле «Псалмы» Сапгира содержит элемент стилизации: по законам псалма полагается писать *Ты* с прописной буквы. Авторский иронический или полуиронический текст является своеобразным метатекстом по отношению к стилизованному употреблению *Ты*. *Ты* как стилизованное лицо не подразумевает возможности иной референции, кроме текстологической: «1. Господи что есть человек // и что Ты знаешь о нем!.. // 2. Господи у Тебя характер // тяжелый // как трактор // Господи Ты – постоянный вектор» [Сапгир, 1999, с. 192]. Характерно, что Сапгир, хотя и использует и *Ты* и *Господи*, снимает практически все необходимые атрибуты сакрального, кроме жанрово необходимых, в частности, в отличие от философско-теологических текстов, Богу приписывается множество атрибутов, определений, предикатов.

Таким образом, отношение *ты* – *Ты* в поэтических философских текстах нуждаются в некотором терминологическом определении, которым может быть металицо *ты+Ты*.

Н.К. Соколовская выделяет в системе личных местоимений ряд металиц. Среди них «2-е металицо более чем единственного числа, формула (*ТЫ*)» [Соколовская, 1980, с. 91]. Однако это металицо, т.е. формула *ты*, не подразумевает включения отношений *ты+Ты*. Если следовать методу выделения металиц, то в подсистеме местоимений в языке философии и поэзии необходимо выделить еще одно металицо: это *ты+Ты*. В то же время немаловажно, что, как было видно из приведенных выше примеров, семантический объем *ты* и *Ты* в этом металице может быть неодинаков, в результате чего можно выделить условно два варианта металица: 1) *ты & Ты*; 2) *Ты & ты*.

В лингвистике принято различать определенный и неопределенный аппеллатив. В нашем случае это определенное и неопределенное *ты*. Однако в каждой данной ситуации *ты+Ты* адресата нельзя назвать неопределенным, это ситуация с определенно совмещенным адресатом, хотя первое *ты* может относиться в разных ситуациях к различным референтам.

В ситуации совмещения *ты+Ты* один из референтов *ты* – переменный, а другой *Ты* – постоянный. У Айги совмещение *ты* со скользящим (переменным) референтом и *Ты* Бога имплицировано в большой букве в определении *Чистое*, в то время как само *ты* пишется с маленькой буквы:

исчезало: о будь же
там
уже очень давно

не знающим – кем улыбалось:
«лучшее Чистое – ты»
[Айги, 1982, с. 337].

Невозможность трактовать *Ты* как *ты* с переменным референтом декларируется философским текстом: «Божество не может быть неким “ты”, многим из многих “ты”... образ бытия и обнаружения, выражающийся в “ты”, не есть признак Бога» [Франк, 1990, с. 470]. Текст Друскина развертывает референтную оппозицию *ты* и *Ты*: *ты* соотносится с переменным референтом, а у *Ты* референт не может быть переменным: «Что значит мир? я – Ты – ты. Я – один, один и тот же, но не тот же самый. Ты для меня сейчас – одно ты и снова сейчас – другое ты... А Бог, то есть Ты?» [Друскин, 2004, с. 316-317]. У Сапгира же местоимение *Ты* по аналогии с любым *ты* как будто относится к плавающему референту, наделяется семантикой неопределенного, множественного и, даже, становится синонимом «кто-нибудь»: «Господи зачем Ты нас оставил? // <...> 7. Мы достойны Хиросимы // Все же Господи спаси! мы // так хотим чтоб нас // хоть кто-нибудь спас» [Сапгир, 1999, с. 193].

Ты и *ты* не существуют изолированно в текстах, а включены во взаимоотношения *я – ты – Ты*. Произведением, которое более всего повлияло на осмысление отношений *я – ты – Ты* в философских и поэтических текстах XX века, стала работа Бубера «Я и Ты». Философ в качестве понятий, имеющих первостепенное значение, выделяет то, что он называет «основными словами». Это слово *Я-Он* и слово *Я-Ты*. Название работы Друскина «Я И ТЫ», концептуализирующее местоимения, недвусмысленно отсылает к буберовскому «Я и Ты», давая подзаголовок «Ноуменальное отношение», но и в целом ряде поэтических текстов формула *Я-Ты* и отношения *я – ты – Ты* появляются как буквальные вариации «основного слова» Бубера. В композиции Елизаветы Мнацакановой появление семантических сдвигов в трактовке «основного слова» в образованиях *тыя*, *яты* предопределено прежде всего ритмико-партитурными вариациями:

лирика: я ты я я я ты моя моя моя
я моя твоя ты я твоя твоя твоя
тыя яты ямая твоя твоя ятвоя
твое твое твое
ты!»

[Мнацаканова, 1982, с. 137].

Сапгир как будто настаивает на отсутствии единого основного буберовского слова *я-ты*, и его местоименная поэтика направлена на то, чтобы разбить (раздробить, разложить) это словосочетание: формула *Я и Ты* воспринимается как фразеологизм и комбинируется по типу переразложения фразеологизма: «Я и ты // Еще // Я и ты // Он // Ты // Еще ты // А где же я?» [Сапгир, 1999, с. 204].

В отношениях *я – ты – Ты* одно из *ты* (необязательно со строчной буквы) выступает как посредник в коммуникации. Тройственные отношения могут выстраиваться не только как *я – ты – Ты*, но как формула Друскина *я – Ты – ты*. В формуле *я – Ты – ты* декларируется срединное положение *Ты*. Присутствие *Ты* или обращение к *Ты* является залогом коммуникации, обеспечивает отношения между *я* и *ты*. Очень важно, что *Ты* не является конечным линейным компонентом, не является целью восхождения, а превращается в живого участника речевой ситуации. Появляясь между *я* и *ты*, *Ты* не превращается в медиатора и посредника, т.е. грамматически и семантически реализуется идея живого Бога.

Яркий пример *ты*, встроенного в *Ты* (при этом необходимо учитывать, что *Ты* Бога может писаться как с прописной, так и со строчной буквы) и развертывание отношений *я – Ты – ты* представляет стихотворение «(Видение Аронзона).

Начало поэмы): «Снег освещает лиц твоих красу, // твоей души пространство освещает, // и каждым поцелуем я прощаюсь... // Горит свеча, которую несу» [Аронзон, 2006, т. 1, с. 149]. Это стихотворение, начинающееся строчкой «На небесах безлюдье и мороз» и заканчивающееся процитированной строфой, казалось бы, должно однозначно быть обращено к Богу, однако вторая строфа «А в комнате в роскошных волосах // лицо жены моей белеет на постели, // лицо жены, а в нем ее глаза, // и чудных две груди растут на теле» посвященная жене поэта дает возможность превратить она в ты, нарратив в обращение и читать строчку «твоей души пространство освещает» как совмещение ты и Ты. Встреча с ты (с женой) возможна при посредничестве встречи с Ты (Богом).

Одним из возможных развитий акцентирования отношений я-Ты является сведение формулы я – Ты – ты (или я – ты – Ты) к я-Ты. Если код ты однозначно заменяется кодом Ты, первое ты может превратиться в чистого посредника или вообще исчезнуть, увлечение кодированием может привести к тому, что живое личностное отношение исчезает. Эта трансформация была подмечена Друскиным уже у Кьеркегора: «Для Кьеркегора нет двух или трех, нет я и ты, но только я – Ты. Также нет для него отношения я – ты – Ты» [Друскин, 2004, с. 345]. В результате превращения я – Ты – ты в я – Ты утрачиваются отношения ты-Ты. Дальнейшая абсолютизация Ты в я – Ты приводит и к желанию устранить я: своеобразные суггестивные построения в позднем тексте Франка приближаются по форме и семантике к тому, что можно было бы назвать местоименной молитвой: «Между мной и Тобой стоит “это – я”, которое меня мучает. О, устрани Твоим “это – Я” мое “это – я” – преграду между Тобой и мной» [Франк, 2003, с. 373].

В 80-е годы XX века в варианте построения оппозиции я – ты – Ты происходит смещение акцента на Ты. При этом ты утрачивает обращенность Ты. В результате происходит частичная потеря или забывание я [Бадью, 2004, с. 44]. Если трактовать формулу с позиции Делеза, то я – это симулякр, через который проходит знание об однозначности Ты как единого. Констатируя не просто присутствие сакрального, но и прохождение сакрального сквозь себя, поэт (например Сапгир) не выстраивает личные отношения с Богом. Ты превращается в цель, и буберовская встреча с ты (или Ты) не происходит. Однако такая трактовка этой формулы не императивна. Важны попытки сохранения значимости всех трех элементов триады: я, ты, Ты.

Приведенные в работе контексты дают основание перефразировать мысль Мандельштама о моменте обращенности поэтической речи: «содержание образа поэтического Я оказывается, по Мандельштаму, производным, зависимым от содержания образа адресата» [Гин, 1996, с. 95]; можно утверждать, что в большей части поэтических и некоторых философских текстах ты – это основное лицо и я – производное от ты (или Ты – это основное лицо и я – производное от Ты), что, безусловно, нужно считать вариантом рефлексии над поэтикой ты+Ты. Эта семантика эксплицируется философским текстом Франка: «Это явление встречи с “ты” именно и есть место, в котором впервые в подлинном смысле возникает само “я”» [Франк, 1990, с. 355]. Поэтический текст разворачивает философскую идею на фоно-семантическом уровне при помощи этимологизации, рассматривая я как производное от ты (и от Ты):

реликтовое излученье слова Я
—
в нём незаметное YOU
в нём затаившийся свет – это ЙО»
[Тарасов, 2007, с. 21]

Однако если в я – Ты утрачиваются отношения с «ты», следующим шагом формула начинает читаться как я – Ты – я (или я – Ты – Я). В классических случа-

ях автокоммуникации голос поэта, говорящего самим с собой и с никем (ни с кем), заглушает все остальные голоса, и формулу *я – ты (Ты)* можно представить также и в виде *я – Ты – Я*. Следующие строчки, в которых обобщенно-личное *ты* может содержать присутствие *Ты*, хотя это и не очевидно, можно трактовать традиционно-богоборчески, т.е. поэт себя ставит на место Бога, но можно говорить и о том, что формула *я – ты – Ты* реализуется как *я – Ты – я*, возможное присутствие *Ты* обеспечивает успешность автокоммуникации. Далее это воплощается в идее триничества и реализуется в местоименной поэтике: *ты+Ты* это *ты*, которое вмещает *Ты*, но и наоборот (появляется и двойник автора и тройник Бога): «*Ты встаешь на колени, как я, – перед нами учитель!.. // Да, я помню тебя!.. // Но, к окну подойдя, отодвинув тяжелую штору, // я увидел тебя, // да, тебя, как я вижу озера! // Ты стоял за окном всю бессонную ночь, чтоб под утро // вдруг увидеть меня // vis-à-vis // перед комнатой утлой. // Ты стоял за окном, я увидел тебя в негативе*» [Аронзон, 2006, т. 2, с. 51].

Местоимение 2-го лица в варианте *Ты* и металицо *ты+Ты* в философских и поэтических текстах XX – XXI века предстает как одна из центральных формул поэтики, реализующая синкретизм грамматической, лексической и философской семантики.

Литература

- Айги Г. Отмеченная зима. Париж, 1982.
 Айги Г. Поля – двойники. М., 2006.
 Аристов В. Стихотворения // Арион. 2005. № 4.
 Аронзон Л. Собр. произведений: В 2 т. СПб., 2006.
 Арутюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
 Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004.
 Блок А. Стихотворения и поэмы. Л., 1961.
 Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
 Винокур Г.О. Я и ты в лирике Баратынского // Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990.
 Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий. Избранные работы. СПб., 1996.
 Друскин Я. Лестница Иакова. СПб., 2004.
 Идлис Ю. То самое электричество. По следам XIII Российского Фестиваля верлибра. М., 2006.
 Левин Ю.И., Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
 Мнацаканова Е. Шаги и вздохи. Wien, 1982.
 Плунгян В.А. Общая морфология. М., 2003.
 Русская грамматика. М., 1980. (РГ)
 Сапгир Г. Стихи и поэмы: В 4 т. М., 1999. Т. 1.
 Седакова О.А. Путешествие волхвов. Избранное. М., 2001.
 Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М., 1988.
 Соколовская Н.К. Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений // Теория и типология местоимений / под ред. И.Ф. Вардуль. М., 1980.
 Соснора В. Стихотворения. СПб., 2006.
 Тарасов В. Стихотворения // Воздух. 2007. № 1.
 Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М., 2007.
 Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.
 Франк С.Л. С нами Бог. М., 2003.
 Шварц Е. Сочинения: В 2 т. СПб., 2002. Т. 2.